

Дарья
ВЕЛЬВЕТ

РАЗВОД

Удар

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНОЙ
РОМАН

ПО РОДСТВЕННЫМ
СВЯЗЯМ

Дарья Вельвет

**Развод. Удар по
родственным связям**

«Автор»

2026

Вельвет Д.

Развод. Удар по родственным связям / Д. Вельвет — «Автор»,
2026

— Котик, ну сколько нам ещё прятаться?— Она почти продала квартиру. Как только купим новые метры — подам на развод. Я же должен хоть что-то получить от этого брака.— И ЭКО ты ей не позволишь, правда?— Я что, идиот? Платить за то, что по умолчанию должно работать? Нормальным женщинам это не требуется.— Кстати... я забыла выпить таблетки. Вдруг ты прямо сейчас сделал мне малыша?Мой мир рухнул, когда я услышала разговор двух самых близких мне людей.Моей сестры. И моего мужа.Стоя в дверях собственной спальни.А потом появился тот, кого я совсем не ждала.
— Почему ты мне помогаешь? Мы же никогда не ладили. Ты всегда был... холоден со мной.— Потому что я тебя хотел. С первой встречи. А ты была женой моего брата. Не лучший повод для сближения, согласишься?

© Вельвет Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Дарья Вельвет

Развод. Удар по родственным связям

Глава 1

Трель мобильного застала меня в обеденный перерыв, когда я только поднесла вилку ко рту. На секунду я просто замерла – не от звука, от имени, высветившегося на экране.

Артём Тихомиров.

Старший брат моего мужа.

Я моргнула. Перечитала. Нет, не почудилось.

На экране по-прежнему горело имя того, кто никогда мне не звонил. Да что там – никогда со мной толком не разговаривал. Артём был человеком, с которым мы едва контактировали, даже на семейных ужинах.

Он был тем типом мужчин, которые выглядели так, будто вырезаны из тёмного камня. Сдержанный, угрюмый, будто весь разговорный запас оставил в другой жизни. С первой встречи я почувствовала – не нравлюсь ему. Молчаливый, хмурый, чем-то вечно недовольный. Он не говорил со мной больше необходимого, не задерживал на мне лишний раз взгляд, не оставался наедине. Сторонился как прокаженной.

И вот теперь... он звонил.

Мне.

Слегка озадаченно я провела пальцем по экрану.

– Гелик у вас? – прозвучало без предисловий.

Голос глухой, низкий, с хрипотцой. Как мотор, работавший на холостых.

Никакого «Привет, Ева», «Извини, что беспокою в разгар твоего рабочего дня».

– Да... утром стоял под окнами, – ответила я, моргнула и чуть перехватила вилку. – Лёша же брал его для фотосессии.

– Это было два дня назад.

Короткая пауза.

– Машина мне нужна сейчас. А он трубку не берёт.

– Оу... – я немного растерялась. – Поняла. Сейчас попробую дозвониться до Лёши. Если не выйдет – заеду домой и пригоню машину к тебе в мастерскую. Ты там?

– Жду.

И сбросил вызов.

И опять: ни тебе «Спасибо», ни «Извини за неудобство».

Просто отключился, как будто отметил в ежедневнике: «Гелик – вернуть. Жену брата – загрузить». Экран погас, а я всё сидела за столом, глядя на телефон, как будто он мог объяснить мне, какого чёрта сейчас произошло.

Я попыталась дозвониться до мужа. Вызов ушёл в гудки, но никто не ответил. Наверняка он снова был на одном из своих бесконечных совещаний, где всё горело, срочно, нельзя было отвлекаться и «сам всё решу, только не сейчас».

Как только Лёша получил должность директора в крупной строительной компании, работа стала его новой вселенной.

Он всегда стремился к большему. Я это уважала. Поддерживала.

Но в какой-то момент «большее» стало означать «вместо меня». Работа заполняла его жизнь до краёв – а я оставалась за её пределами. Сначала он приходил домой позже. Потом – ужинал молча, с телефоном в руке. Потом стал ночевать в офисе, если «надо было сдать проект». В какой-то момент я перестала спрашивать.

Просто верила, что это временно. Что всё это – переработки, совещания, ночевки в офисе – делалось и для меня тоже.

Для нас.

Мы ведь готовились к ребёнку.

Сложный путь – не получилось естественно, но мы не сдавались. Рассматривали ЭКО, собирали документы, искали клинику. Планировали продать мою квартиру, добавить его сбережения и купить что-то побольше, с детской. Чтобы потом, когда всё получится, было куда приносить этого маленького человечка, которого мы ждали с затаенным трепетом и страхом.

Это требовало усилий. И – денег. Очень много денег. Если бы я ушла в декрет, весь груз лёг на него. И он это знал. Знал, и работал почти без передышки. И я старалась не мешать. Не ныть. Не тянуть на себя.

Но в такие моменты... раздражение прорывалось сквозь все мои терпеливые «понимаю».

Ведь кому ещё, как не мне, бросать всё в разгар рабочего дня, сворачивать обед, отменять кофе с партнёром и ехать через полгорода – не по своим делам, не ради себя, не по своей вине – а чтобы решить его проблему?

Его забывчивость. Его нерасторопность. И этот чёртов гелик, который он одолжил у брата ради фотосессии для какого-то мужского глянца. Его «вечный» Е-класс, видите ли, не тянул на брутальность, а гелик – в самый раз. Ну а как же: деловой костюм, модные часы, дорогая машина – всё должно было выглядеть внушительно. Красивый антураж для красивого мужчины.

Он получил своё и теперь, похоже, даже на брата забил, потому что огромный чёрный мерс маячил под нашими окнами второй день.

У меня на согласовании висел одиннадцатистраничный отчёт для итальянского офиса, в почте скопились десятки непрочитанных писем, а в графике – единственный нормальный перерыв за день. Но, конечно же, именно я должна была всё отложить, сорваться и решить вопрос. Как будто моя работа, мои дела, моя жизнь – это что-то по умолчанию менее важное. Как будто я – не партнер, не любимая женщина, а вечный администратор его жизни.

Я придумывала, куда мы пойдём на годовщину, заказывала столики, придумывала сюрпризы – потому что он вечно забывал о датах. Оформляла и согласовывала отпуска – бронировала билеты, искала отели, писала маршруты, бронировала экскурсии, чтобы он просто сел в самолёт и ни о чём не думал. Следила за тем, чтобы в холодильнике было его любимое вино, в аптечке – нужные таблетки, а в гардеробе – выглаженные рубашки на важные встречи. Даже его аккаунт в банке был завязан на мой e-mail – чтобы не упустить сроки оплаты страховок, налогов и прочей ерунды.

Я набрала мужа ещё раз – и снова тишина.

Сколько раз я просила добавить мой номер в исключения? Я ведь не была истеричной малолеткой с маниакальным контролем. Не звонила по сто раз на дню. Не трясла трубку из-за «что купить на ужин» или «где ты, милый».

Я уважала. Его. Рабочее. Время.

И что в ответ?

«Ваш звонок переадресован на голосовую почту, абонент сейчас недоступен, оставьте сообщение»

Как же это бесило!

Глава 2

подавив раздражение, я тихо выдохнула, отложила вилку и открыла мессенджер.

Пальцы набрали короткое сообщение начальнице:

«Алина, мне нужно отлучиться на пару часов по семейным обстоятельствам. Надеюсь, ничего срочного не случится. Если что – я на связи. Заранее спасибо»

С Алиной мы работали вместе уже много лет, и отношения у нас были не просто деловыми – теплыми, почти дружескими. Я могла позволить себе неформальный тон, зная, что она поймет без лишних объяснений.

«Не волнуйся, всё под контролем. Разберемся» – ответила она.

Если бы не эта её поддержка, жонглировать между карьерой, ролью секретаря собственного мужа и понимающей жены было бы куда сложнее.

Такси домчало меня до дома быстрее, чем я ожидала. Я расплатилась, поблагодарила водителя и, выйдя из машины, тут же увидела виновницу сегодняшнего переполоха – чёрную, глянцевою громадину с тяжёлым силуэтом, с зеркалами, в которых можно было бы увидеть целый квартал.

Гелик смотрелся как бронированный шкаф, и мысль о том, что я должна была сейчас им управлять, вызвала острое желание поискать инструктора или, на крайний случай, табуретку, чтобы забраться внутрь.

Но выбора не было.

Отбросив сомнения, я вошла в подъезд, поднялась на свой этаж, открыла дверь. Замок щёлкнул привычно тихо, без сопротивления. Я ступила внутрь – и замерла на пороге.

На полу прихожей валялись женские туфли. Острые носы, лакированная кожа, шпилька. Не мои. Сняты небрежно – одна на боку, другая почти у стены. Будто хозяйка спешила – или наоборот, чувствовала себя слишком уверенно. На тумбе лежала сумка – маленькая, алого цвета, с золотой пряжкой в виде двух птиц, клюв к клюву.

Я узнала её сразу.

Она принадлежала Инге. Моей младшей сестре.

Но что она делала у нас дома без нашего ведома? Как попала сюда, в конце концов, когда мы с Лешей были на работе?

И тут, словно в ответ на мои вопросы, откуда-то из глубины квартиры раздался протяжный звук.

Глухой, протяжный... женский стон.

Я замерла, застигнутая врасплох. Мысли замесались беспорядочно, бессвязно, как испуганные птицы, пытаюсь найти рациональное объяснение.

Может, это был телевизор?

Может, у меня была бурная фантазия?

Но ни одна из версий не могла перебить ту, которая уже пустила корни в сердце.

Пульс сорвался с ритма, кровь отхлынула от конечностей, всё вокруг стало каким-то приглушенным. Сознание помутилось, как в душевной комнате.

Я пошатнулась и отступила назад, вслепую нащупав спиной опору – холодную поверхность входной двери, которая теперь будто держала меня в вертикальном положении. Замок впивался в лопатку, но я даже не чувствовала боли – только липкий озноб, медленно поднимающийся от поясницы вверх.

В висках звенело, мир вокруг сузился до звуков, доносящихся из глубины квартиры. Сознание отказывалось обрабатывать происходящее.

Но это состояние длилось недолго. Пяти минут оказалось достаточно, чтобы внутри поднялась броня.

Да, в первое мгновение я растерялась, погрузилась в вязкую, серую пустоту, забыла, как дышать – удар оказался внезапным. Никаких предчувствий, намёков, тревожных звоночков. Я не была готова – ни телом, ни разумом. Но потом... организм, закаленный годами – сильный, выдрессированный стрессовыми ситуациями – быстро вернул контроль.

Привычка преодолевать кризисы сработала безукоризненно.

И вот я уже дышала глубоко и медленно, глядя в неподвижную точку в стене и слушая звуки чужой близости.

Стоны доносились со стороны спальни – глухие, рваные, оголенные до животной страсти. С каждым выдохом, с каждым влажным шлепком, с каждым захлебывающимся вскриком я чувствовала, как сердце всё туже стягивала невидимая петля.

Но я стояла.

Слушала.

И когда раздался последний звук – тяжёлый, низкий, обрывистый – я не дрогнула.

Я знала этот голос, эту интонацию, эту финальную ноту. Я знала этот стон. Слишком хорошо знала, как звучал Алексей, когда заканчивал. Слишком много раз слышала его рядом, в полумраке нашей спальни.

И этого было достаточно, чтобы осознать окончательно: всё произошло.

Здесь. Сейчас. В нашей постели.

С моей сестрой.

Я двинулась в сторону комнаты осторожно, почти беззвучно, чувствуя, как каждый шаг отзывался эхом под кожей. Мне нужно было убедиться. Увидеть всё собственными глазами.

Я не могла позволить себе потом сомневаться.

Дверь была приоткрыта. Но в тот момент, когда рука уже потянулась вперёд, чтобы распахнуть её, я остановилась – из-за голосов.

Конечно... Как я могла забыть?

Лёша всегда любил поболтать после секса – будто пытался закрепить эффект. Меня это раздражало невероятно.

– Котик, ну когда ты уже подашь на развод? Сколько ещё мы будем прятаться?

Голос... Инги. Моей младшей сестры.

Мягкий, обиженно-игривый. С тем самым оттенком капризной нежности, от которого её мужчины всегда теряли голову. Который мне никогда не давался.

Я вцепилась пальцами в косяк двери, как будто он мог удержать меня от падения.

Чёрт возьми, ну почему именно она?!

Глава 3

Когда жизнь Инги трещала по швам после развода, я протянула руку: помогла перебраться в Москву, сняла квартиру, заняла денег, устроила в фирму Лёши. Я искренне верила, что делаю добро. Что спасаю родного человека.

Она быстро влилась в коллектив, пошла вверх. А я радовалась её успехам, даже гордилась – не зная, что вместо благодарности она задумала подлость. Видимо, у неё было отличное образование не только по финансам. Она знала, как грамотно инвестировать – в чужого мужа, в чужую жизнь, в доверие, которое не заслужила.

– Подожди ещё чуть-чуть, милая. Ева уже почти продала квартиру, мы ждем, когда покупателю подтвердят ипотеку. Всё должно быть честно. Купим новые метры – и уже тогда подам на развод, чтобы разделить всё как совместно нажитое, – ответил Алексей.

Родной голос мужа был ленивым, спокойным, как будто разговор шел не о предательстве, а о смене поставщика стройматериалов.

– И никакое ЭКО ты ей не позволишь?

– А зачем? – усмехнулся он. – Я что, идиот, вкладываться в то, что по умолчанию должно работать? Пустая трата денег. Нормальным женщинам такие процедуры не требуются.

ЭКО...

Квартира...

«Честно»...

В голове всё встало на свои места. Каждое звено. Каждый фальшивый жест заботы. Все задержки, отлучки, командировки.

– К слову об этом, – протянула Инга с той самой игривой ноткой, от которой у мужчин начинала кружиться голова. Я невольно представила, как она накручивала локон на палец, прикусывая губу, делая вид, что не осознавала, насколько это эффектно. – Ты сегодня не предохранялся, а я, кажется, забыла выпить таблетки... Вдруг ты мне прямо сейчас сделал малыша?

– Ах ты проказница, – прозвучал мужской смешок в ответ.

Легкий, довольный, домашний. Интимный разговор между двумя людьми, которые должны были быть для меня самыми близкими.

И в этот момент я ощутила, как нечто тяжёлое, неумолимое, словно стальная гиря на цепи, врезалось в грудную клетку.

Та самая, что сносила старые здания.

Без шанса на восстановление. Без плана на реконструкцию. Всё, что мы с ним строили – разбито. Окончательно. Бесповоротно.

На этом я распахнула дверь.

Я не хлопнула ею – не бросилась с криком. Просто вошла без предупреждения. Как будто пришла домой.

Потому что, чёрт побери, я и пришла домой!

На кровати – обнаженные тела. Простыни, сбитые в комки. Подушки, разлетевшиеся в разные стороны. И всё это – в мягком, рассеянном полумраке спальни, где плотные шторы всё ещё хранили атмосферу тайны, уюта... и предательства.

В другой ситуации эта сцена могла бы показаться почти красивой. Как в итальянском романе, что я читала пару недель назад – там тоже были страсть, запрет, шелест льна, запутанные пальцы, тихие стоны и разбросанная одежда на полу.

Только тогда я не знала, что однажды увижу нечто похожее в собственной спальне.

И что в роли отвергнутой героини буду я.

Алексей буквально выпрыгнул из кровати. Нагота больше не казалась ему естественной – он судорожно шарил глазами по полу, хватал трусы, не с первого раза засунул ноги в нужные

отверстия, чуть не потерял равновесие и, кажется, только усилил фарс, которым уже стала вся эта сцена.

Инга, обнажённая, инстинктивно схватила простыню и вжалась в изголовье. Её светлые, растрёпанные волосы спадали на плечи завитками, губы дрожали.

Она была красива. Даже в этой ситуации.

Особенно – в этой ситуации.

Эффектная, уязвимая, по-женски слабая. Тот самый образ, который мужчины так любили спасать. Её лицо выражало трагическое смятение – взгляд испуганной актрисы, которой забыли сообщить, что спектакль окончен.

Сестра смотрела на меня так, будто вот-вот разрыдается. Будто случилось нечто ужасное, не по её вине. Как будто это я была палачом, нарушившим чужую идиллию.

– Это не то, что ты думаешь, – выдохнул Алексей, едва найдя в себе голос.

Как по сценарию дешёвого сериала. Даже застигнутый с поличным, не смог признать очевидное.

Придурок.

Настолько привык врать, что делал это уже автоматически.

В тот момент, когда правда лежала на нашей кровати – голая, запыхавшаяся и отчаянно шарящая взглядом по комнате, в поисках своей одежды.

Если бы глупость имела вес – он бы рухнул на месте от собственного оправдания.

– Я поняла всё предельно ясно, – сказала я ровно. – Ты только что ублажал мою сестру. В нашей постели. И, возможно, у вас будет ребёнок.

Я перевела взгляд на Ингу.

– Убирайся.

– Ева, подожди... – пролепетала она, жалко прижимая простыню к груди. – Это не повод нам ссориться... сестрёнка, я всё объясню.

– Я считаю до трёх, – всё тем же ровным голосом, без надрыва, произнесла я. – Не успеешь натянуть трусы – не мои проблемы. Один.

– Но... почему ты злишься именно на меня?! – вдруг выпалила она, торопливо, будто спохватилась. – Вечно вы, жёны, кидаются на женщин! Это ведь он тебе изменил, Ева! Он, не я! Что я – соблазнительница? Он взрослый мужик, у него свои мозги. Но ты, конечно, как и все, злость слила на «другую бабу», да?

– Ты с ума сошла?! – подал голос Алексей, до этого затихший в тени. – Что ты вообще несёшь?

– Два, – отчеканила я, прикрыв глаза – контроль трещал по швам.

Инга сжалась в комок, держа простыню на груди как щит, и заговорила быстрее, громче – как будто могла затоптать вину потоком слов:

– Мы же сёстры, Ева! Неужели ты правда была готова перечеркнуть всё... из-за одного гулящего мужика?

Глава 4

– Ты же знала, как мне было плохо после развода... Я тогда еле держалась, а он... он просто оказался рядом. Он был ласковый, внимательный... Я была уязвима. А он этим воспользовался. Сестренка, неужели ты правда могла подумать, что я это всё запланировала?

– Да ладно! – вновь раздался голос Алексея, уже раздраженный. – Ты, может, ещё скажешь, что случайно на меня упала?

– Помолчи! – прошипела Инга рассерженной кошкой.

Она, видимо, всё ещё надеялась, что мне хватит достоинства не опуститься до рукоприкладства.

Ошиблась.

– Три.

Я просто подошла ближе, схватила её за волосы – за эту пышную блондинистую копну, уложенную локонами, – и резко потянула с моей чертовой кровати.

Она вскрикнула.

Я наклонила её к полу, не давая подняться, и в полуприседе потащила к выходу. В одной простыне и в чём мать родила.

Инга кричала. Возмущалась. Вырывалась.

Но я шла, не слушая. Чувствовала только жар в груди и стальной стержень в позвоночнике, который держал меня на ногах. Распахнув дверь, я со всей силы толкнула её в подъезд.

Инга поскользнулась на коврике и чуть не полетела вниз – шаг, второй, и она бы покатилась по ступеням, если бы не чьи-то сильные руки. Они ухватили её за плечи в последний момент, удержали, притянули ближе, помогли восстановить равновесие.

Мне пришлось задрать голову, чтобы увидеть того, кто спас мою сестру – и, возможно, уберечь меня от тюрьмы за убийство в состоянии аффекта.

Он стоял прямо на пороге, как стена, вставшая между мной и окончательной потерей контроля. Высокий. Настолько, что даже при моих каблуках я чувствовала себя миниатюрной.

Артём Тихомиров.

Старший брат моего мужа. Тот самый, чей гелик я должна была пригнать. Благодаря чьей, казалось бы, невинной прихоти я узнала, что дорогие мне люди давно объединились – не со мной, а против меня. Тот, кто стал нечаянным свидетелем конца моего брака.

Строгий, официальный стиль – чуждый для него, и потому особенно эффектный.

А главное, на его лице отражался целый kaleidoscope эмоций.

Шок. Недоверие. Отвращение. Ярость. И что-то... ещё.

Что-то человеческое.

Впервые он не успел надеть свою привычную маску безразличия.

– Она сумасшедшая! – взвизгнула Инга, с фальшивой обидой, нарочито громко. Не теряя времени, метнулась за мужскую спину, будто Артём был её телохранителем. – Ты видел?! Эта ненормальная чуть мне волосы не выдрала! Верни мои вещи, психованная!

– Ева, не доводи до абсурда! – раздался за спиной голос Алексея, напряженный, с наигранной твердостью. – Соседей решила развлечь?

Мы с Артёмом одновременно посмотрели вглубь квартиры.

Алексей, в одних трусах, с поникшими плечами и тем самым выражением лица, которое он обычно делал, когда забывал годовщину свадьбы. Потерянный, не знающий, что делать.

Артём молча перевел взгляд на меня.

– Я решил, что будет не лучшей идеей пускать тебя за руль гелика, – сказал он хрипло, без насмешки. – Думал, лучше приеду сам... Похоже, не вовремя?

Он будто бы спрашивал, нужна ли мне помощь.

Я скинула с лица прядь, откинула её со лба и чуть усмехнулась.

– Почему же не вовремя? Очень даже вовремя. Мне как раз нужно было вынести из квартиры мусор. Поможешь?

Инга что-то зашипела у него за спиной, но Артём даже не обернулся.

Он смотрел мне в глаза. Долго. Пристально.

Я стояла ровно, гордо, и даже попыталась улыбнуться, давая понять, что со мной всё в порядке. Только вот губы задрожали, как это бывает перед подступающими слезами.

Он заметил. Бросил короткий взгляд – и сразу же отвел его, как будто не хотел смущать.

Я же удивилась. Почему? Я же кремень. Я же... спокойна, как удав. Откуда эта дрожь?

– Поехали, – сказал он твёрдо.

Не спросил, не предложил. Просто обозначил решение.

– Здесь тебе делать больше нечего.

И тут же, резко, без предупреждения схватил Ингу за предплечье и втолкнул её обратно в квартиру. Сделал это жестко, без деликатности, как мусорный пакет, который слишком долго мешал пройти.

Сестра пролетела мимо меня как пробка от шампанского и попала прямо в руки Леши. Но даже не пикнула. Лишь с ужасом наблюдала, как Артём следом шагнул в квартиру, на ходу подхватил со столика ключи от своей машины – точным, отработанным движением. И на мгновение остановился перед парочкой.

– Даже отец не падал так низко, – бросил он с ледяным презрением своему брату. – Он хотя бы со своими секретаршами в офисе развлекался. А ты шалаву домой притащил.

Старший Тихомиров не двигался, но его кулак был сжат до побелевших костяшек, будто он сдерживал в нём всё: гнев, отвращение и желание ударить. Я не видела лица Лёши, но могла поклясться – он испугался.

Артём реально выглядел угрожающе.

Спокойно. Холодно. И именно поэтому – по-настоящему страшно.

Развернувшись, мужчина взял меня за руку, вытянул в подъезд. Захлопнул за нами дверь.

Плотно, с глухим щелчком.

– Не переживай, – бросил он мне, чуть склонив голову. – Я потом вызову клининг для генеральной уборки.

Глава 5

Артём молча вызвал лифт.

Я зашла за ним в кабину почти автоматически, будто была привязана невидимой веревкой. Он не отпускал моей руки – держал крепко, уверенно, как будто боялся, что я рассыплюсь, если отпустит.

Он был чертовски проницателен.

Стоило дверям лифта сомкнуться – и подкатила слабость. Словно я только что вышла с поля боя и вдруг поняла, что у меня больше не было сил даже стоять.

Я качнулась вперёд, не задумываясь, уткнулась лбом в его грудь и закрыла глаза. Без слов. Без объяснений.

Тихомиров не отстранился. Не дёрнулся. Просто крепче сжал мою руку.

И этого оказалось достаточно.

Если бы кто-то спросил, кого бы я хотела видеть рядом в трудный жизненный момент – моего деверя бы не оказалось в этом списке вовсе. А скажи мне кто, что именно он поддержит меня в такой ситуации – я бы только рассмеялась.

Подобное даже представить было невозможно ещё пару часов назад.

Но судьба распорядилась иначе. И теперь именно он держал меня за руку. А я – держалась за него, как утопающая за последнюю соломинку.

– Могу понести тебя, – сказал Артём, когда лифт замедлил ход.

Грудь под моим лбом завибрировала – низко, глухо, почти как гул мотора.

– Не стоит, спасибо.

За эту короткую минуту – в тесной кабине, рядом с ним, вдыхая аромат мужского парфюма – я словно впитала его спокойствие.

Когда двери лифта скользнули в стороны, я уже стояла ровнее.

И вышла – с высоко поднятой головой.

И, конечно, как по заказу, прямо у выхода нас встретила Клавдия Андреевна. Жилищный кошмар с пятого этажа.

Местная цензура, карающая взглядом за грязные коврики и переполненные почтовые ящики. Любительница строчить жалобы в управляющую на каждый чих и совать нос в чужие дела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.